

— Однажды глава Павильона нашёл меня и вручил эту вещь, — сказала Госпожа Цзы. — Велел хранить как зеницу ока. Если в Павильоне что-то случится — взять её с собой.

Она смотрела на печать с удивительной нежностью в глазах, словно вновь перенеслась в тот день, когда Се Саньчуань впервые пришёл в Терем. В этот миг она совсем не походила на стремительную и решительную хозяйку Терема Дымной Воды, а напоминала юную девушку, чьё сердце впервые встрепенулось.

Се Саньчуань не владел искусством лёгких шагов. Добраться до центра озера для него было проблемой, не говоря уже о том, чтобы подняться в Терем. В тот раз Госпожа Цзы сама перевезла его на плоту.

Именно на том плоту Се Саньчуань с великой бережностью передал ей этот свёрток, наказывая беречь себя и в крайнем случае использовать эту вещь для спасения жизни.

— Госпожа, вы знаете, что это такое? — спросил Тан Юань, явно колеблясь.

— Я простая женщина, истинную ценность этой реликвии не ведаю. Но раз глава Павильона доверил её мне — сохраню даже ценою жизни.

— Госпожа, звучит это, возможно, нелепо... но эта печать... поддельная. — Тан Юань произнёс это с трудом. Ведь Госпожа Цзы хранила её как сокровище все эти годы. Кто бы мог подумать, что Павильон Недеяния раздобудет поддельную Печать Счастья и Несчастья.

Однако выражение лица Госпожи Цзы не дрогнуло ни на йоту. Она хранила эту вещь не потому, что это была знаменитая на весь мир боевых искусств Печать Счастья и Несчастья, а потому, что её передал Се Саньчуань.

Человек, вручивший ей печать, был для неё особенным, и потому вещь стала особенной.

— Молодой герой, мне неважно, подлинная она или нет. Я лишь хочу спросить: как вы это определили? Вещь, которую искали втайне и двор, и мир боевых искусств все эти годы — и вдруг подделка? — Госпожа Цзы смотрела на Тан Юаня пытливым взглядом. Она редко покидала Терем, и новости доходили до неё в основном от гостей. Но те, кто поднимался в её Терем Дымной Воды, были людьми знатными и влиятельными, искушёнными в делах реки и озёр. Такие секретами с простой трактирщицей не делятся, тем более касающимися Павильона Недеяния. Теперь же, запертая в Тереме, она и вовсе оказалась в изоляции. Потому Тан Юань стал для неё спасительной нитью, и она жаждала узнать больше.

Тан Юань внимательно повертел в руках поддельную Печать Счастья и Несчастья.

— Безусловно, подделка. Этот нефрит... слишком хорош.

— Но разве Печать Счастья и Несчастья не была вырезана из прекрасного нефрита?

— Прекрасного — да. Однако во времена Первого Императора условия были иными. То, что считалось прекрасным нефритом тогда, сегодня можно назвать разве что камнем выше среднего. Люди заиклены на сегодняшнем дне, гонятся за «прекрасным нефритом», забывая, каким он был в ту эпоху. Вот посмотрите: этот камень тёплый на ощупь, прозрачный и чистый — нефрит высочайшего качества. Я с детства рос если не в грудях золота и яшмы, то уж точно среди сокровищ. Этот нефрит явно завезён с Запада, а такие сорта начали добывать лишь во времена Хань. Настоящей Печатью Счастья и Несчастья он быть не может. Скорее...

Он запнулся. Госпожа Цзы нетерпеливо переспросила:

— Скорее?

— Скорее, это имитация, выполненная из дворцового нефрита.

— Значит, она бесполезна? — На лице Госпожи Цзы мелькнуло разочарование. Она уже потянулась за печатью, но Тан Юань остановил её.

— Напротив! Не только полезна, но и ценна чрезвычайно!

Встретив её недоумённый взгляд, Тан Юань крепче сжал в руке подделку.

— Ценна! Теперь-то я понимаю, что замышляет Император!

Этот рискованный визит в Терем Дымной Воды окупился сполна. Зачем Император удерживал его в столице? Для чего в гостинице «Приходящие Облака» хранили порох? Почему Печать Счастья и Несчастья, не появлявшаяся десятилетиями, вдруг возникла? Все загадки разрешились, едва Тан Юань увидел эту подделку.

— Госпожа, ответьте мне: ведь новая фракция Павильона Недеяния некогда вступала в сговор с двором?

— Двор... — Госпожа Цзы, подперев подбородок рукой, погрузилась в воспоминания. Тан Юань не торопил её. Вскоре она хлопнула ладонью по столу. — Вспомнила! Среди тех, кто меня преследовал, действительно были императорские солдаты! Я даже кричала им тогда: «Императорские прихвостни!»

Дело было лет семь-восемь назад, во время смуты в Павильоне Недеяния, когда к власти пришла новая фракция. Она действительно подслушала тайный разговор в потайной комнате, но её быстро обнаружили, так что услышала она немного. Однако преследовали её потом долго.

— Вы готовы? Его Величество ждёт от вас добрых вестей. — Голос был пронзительно-высоким. Мужской? Не совсем. Слишком много в нём было ледяной скользкости и слишком мало мужской твердыни. Словно говорил скопец, прислуживающий у трона того пса-императора.

— Не всё так просто. — Этот голос Госпожа Цзы узнала — один из трёх помощников старого главы Павильона, Долгорукий Хуа Чанчунь.

— Овладейте миром боевых искусств — и Император обеспечит вам богатство и почёт. Кому ж не довериться, как не Сыну Неба?

— Мы, разумеется, верим Его Величеству. Но нам требуется ещё немного времени.

— Захватить Павильон Недеяния — значит захватить половину мира боевых искусств. Время Император вам даст, вот только у вас-то, похоже, его нет.

— На этом я услышала, как они меня обнаружили. Скопец крикнул: «Кто там?» — и я бросилась бежать. Хуа Чанчунь, кажется, не погнался за мной. Мне показалось, будто он харкнул кровью. Наверное, померещилось. — Воспоминания о тех днях всё ещё волновали Госпожу Цзы.

Тан Юань покачал головой.

— Нет, Госпожа, вам, скорее всего, не померещилось. Скопец сказал: «У вас нет времени». Должно быть, у него был способ держать Хуа Чанчуня в узде.

— Яд?

— Как раз знаком с одним ядом императорского происхождения. Исключительно сильным.

— Каким?

— «Утолить жажду ядом». Слыхали, Госпожа?

— Слыхала... Один из десяти великих ядов. Неужели он до сих пор в ходу? Теперь понятно, отчего Хуа Чанчунь пал так быстро.

— Раз яд однажды появился, искоренить его нелегко. Не только во дворце — у старых монстров из крупных школ наверняка припрятаны подобные сокровища.

— Верно.

Тан Юань, поглядывая на солнце и прикидывая время, думал о своих родных в далёкой столице.

Намерения Императора прояснились. С одной стороны, он сдерживал семьи Тан и Юань, уравновешивая силы аристократии и чиновников. С другой — протянул руку к миру боевых искусств.

Что ж, с его характером, с его верой в то, что он владыка Поднебесной, как мог он смириться с землёй, неподвластной его воле? Вот только руку эту он протянул куда раньше, чем можно было предположить. Ещё семь-восемь лет назад он едва не вверг мир боевых искусств в хаос, но тогда Се Саньчуань пресёк его замыслы. Теперь, с появлением Печати Счастья и Несчастья и первыми признаками смуты, не остаётся сомнений: он снова затеял игру. Даже он с Юань Сяо оказались под домашним арестом в столице — верный знак, что Император готовится к удару.

— О чём задумались, молодой герой? — спросила Госпожа Цзы.

— Думаю о нашем спасителе. Что-то он запаздывает. — Тан Юань отвлёкся от мыслей, взглянул на небо и вдруг, слегка прищурившись, улыбнулся. Он указал рукой куда-то позади неё. — Смотрите. Вон он идёт.

(Двадцать)

Госпожа Цзы машинально обернулась, но никого не увидела и рассмеялась:

— Этот трюк с отвлечением внимания уже не работает.

— Не обманываю. Смотрите — он действительно пришёл. — Тан Юань указал вдаль, за её спину. Та в изумлении взглянула и увидела: вдаль, казалось, и впрямь кто-то шёл по воде.

Он шёл по воде, и никто не смел ему помешать.